

RU

Положение «лишенцев» в годы НЭПа 1925-1928 гг. (по материалам Пензенской губернии)

Жгут С. А.

Аннотация. В статье рассмотрено положение «лишенцев» в годы позднего НЭПа (1925-1927 гг.) на примере Пензенской губернии, приведен историографический обзор заявленной проблематики, дан сравнительный анализ нормативно-правовых актов рассматриваемого периода. Цель исследования – раскрыть причины ужесточения государственной политики в отношении «лишенцев». В статье рассмотрены основные причины роста числа «лишенцев» после 1925 года, сущность изменений правовой базы по «лишенцам» в годы позднего НЭПа, на основе архивных данных раскрыта статистика по количеству и составу «лишенцев». Научная новизна исследования заключается в том, что впервые установлена причинно-следственная связь между ужесточением нормативной базы ВЦИК (1925-1926 гг.) и формированием репрессивной дискриминационной политики на региональном уровне. Политика лишения избирательных прав в середине 1920-х годов рассмотрена в трёх аспектах: историографические оценки советских и современных исследователей, ужесточения нормативной базы (на материале сравнительного анализа инструкций ВЦИК 1925-1926 гг.) и региональная практика реализации данной политики (на примере архивных материалов Пензенской губернии). Такой подход позволил системно показать, как локальные практики и нормативные изменения 1925-1926 гг. стали важным этапом формирования механизмов политического контроля, заложивших основы для последующих репрессивных кампаний конца 1920-1930-х годов.

EN

The status of the “lishentsy” during the New Economic Policy period, 1925-1928 (based on materials from the Penza Governorate)

S. A. Zhgut

Abstract. The article examines the situation of the “lishentsy” (the disenfranchised) during the late New Economic Policy (NEP) period (1925-1927) on the example of the Penza Governorate, provides a historiographical overview of the stated problem, and offers a comparative analysis of the legislative and regulatory acts of the period under study. The aim of the research is to reveal the causes of the tightening of state policy toward the “lishentsy”. The article considers the main reasons for the increase in the number of “lishentsy” after 1925, the nature of changes in the legal framework concerning the “lishentsy” during the late NEP years, and, on the basis of archival data, presents statistics on the number and composition of the “lishentsy”. The scientific novelty of the study lies in the establishment, for the first time, of a causal link between the tightening of the All-Russian Central Executive Committee (VTsIK) normative framework (1925-1926) and the formation of a repressive discriminatory policy at the regional level. The policy of depriving citizens of electoral rights in the mid-1920s is examined from three perspectives: historiographical assessments by Soviet and contemporary researchers; the tightening of the normative base (based on a comparative analysis of VTsIK instructions of 1925-1926); and regional practices of implementing this policy (illustrated by archival materials from the Penza Governorate). This approach makes it possible to demonstrate systematically how local practices and the normative changes of 1925-1926 became an important stage in the formation of mechanisms of political control, laying the groundwork for subsequent repressive campaigns of the late 1920s-1930s.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена интересом научного сообщества к региональной проблематике и практикам социального выживания отдельных категорий населения. Эпоху НЭПа принято считать

временем экономической свободы, однако в политико-правовой сфере этот период характеризуется не ослаблением, а, напротив, ужесточением социальной дискриминации. Лишение избирательных прав – это один из ключевых механизмов социальной инженерии, с помощью которого советская власть создавала новую социальную структуру общества.

Механизм лишения избирательных прав, утвержденный первой Конституцией РСФСР 1918 года, предусматривал ограничение политических прав для социальных групп, непосредственно связанных с дореволюционным политическим режимом и капиталистическим укладом в экономике. Советская власть, декларируя равноправие и представительность, не могла допустить участия в выборах чуждых ей социальных слоев и групп. Контрреволюционная угроза могла быть реализована, в том числе изнутри, путём попадания представителей прежнего социально-политического уклада в органы власти на местах. На фоне растущих социально-экономических противоречий и идущей Гражданской войны сохранение политического контроля над советами было критически важным для большевиков (Виноградов, 2015).

К 1921 году экономическая политика прежних лет привела руководство страны в тупик: командные методы управления экономикой не принесли ожидаемого результата: производство пришло в упадок, население погибало от голода, социальная турбулентность достигла предела (Морозов, Морозова, 2001). Обстоятельства требовали от власти срочного принятия мер для исправления ситуации.

В марте 1921 года на X съезде РКП(б) было принято решение о переходе к новой экономической политике (НЭП), в основе которой лежало объявление относительной свободы мелкого и среднего предпринимательства с сохранением контроля государства за крупной и тяжелой промышленностью. Политический аспект НЭПа выразился в усилении социального и политического давления на предпринимателей (нэпманов), которые входили в число «лишенцев».

В первой половине 1920-х годов интересы власти и нэпманов частично совпали, но было очевидно, что советская власть видит в НЭПе лишь временную вынужденную меру и устранит идейных оппонентов, как только удастся стабилизировать ситуацию в стране (Бородкин, 2005). К 1926 году острый экономический кризис миновал, производство было практически восстановлено до довоенного уровня 1913 года (Муравьева, 2002).

До середины 1920-х годов «лишенцы» имели возможность интегрироваться в советское общество, в том числе с помощью механизма восстановления избирательных прав (О порядке восстановления..., 1921). Лояльность к советской власти и положительные характеристики с места работы позволяли исключить свою фамилию из списков «лишенцев». Попадание в списки «лишенцев» автоматически означало присвоение негласного статуса врага советской власти.

В 1925-1928 годах началась подготовка к сворачиванию НЭПа и окончательному разгрому идеологических противников власти. Положение «лишенцев» стало стремительно ухудшаться, перечень оснований для признания «лишенцем» расширялся, условия жизни «лишенцев» ужесточались. Советская власть перешла в политическое наступление (Морозов, 1960).

Задачи исследования:

- рассмотреть историографию изучения положения «лишенцев» в 1920-е годы;
- сравнить Инструкции по лишению избирательных прав 1925 и 1926 годов;
- на основе архивных данных проанализировать тенденции политики советского государства в отношении «лишенцев».

Методами исследования стали аналитический, сравнительный, статистический. Аналитический метод позволил исследовать историографию института лишения избирательных прав и выявить основные подходы к статусу «лишенцев» в годы НЭПа. Сравнительный метод использован для соотнесения нормативно-правовых актов по вопросу лишения избирательных прав середины 1920-х годов для определения вектора на ужесточение дискриминационной политики советской власти в отношении «лишенцев». Статистический метод позволяет подкрепить теоретические выводы исследования статистическими метриками.

Материалами исследования выступили архивные документы Государственного архива Пензенской области (далее – ГАПО). Автором также анализируются нормативно-правовые акты советской власти (Об утверждении Инструкции о выборах...: декрет ВЦИК от 13.10.1925; декрет ВЦИК от 04.11.1926).

Теоретическую базу исследования составляют работы отечественных учёных. Труды С. В. Виноградова (2015) и Л. А. Муравьевой (2002) фокусируются на макроэкономической природе НЭПа, изучая опыт создания многоукладной системы хозяйства и реформирования финансовой сферы, что оказало непосредственное влияние на положение «лишенцев» как агентов рыночного уклада. Исследования С. А. Морозова и Е. В. Морозовой (2001) расширяют контекст, обращаясь к понятию «социальной турбулентности» и специфике формирования структуры общества в условиях жёсткого политического режима 1920-х годов. Л. И. Бородкин (2005) рассматривает механизмы налогового давления на нэпманов и оценивает их социальную мобильность. Работа Л. Ф. Морозова (1960) раскрывает отношение советской власти к социально-политическим процессам 1920-х годов как к решающему этапу борьбы с политическими оппонентами.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения полученных данных в современной научно-образовательной и общественно-правовой деятельности. Материалы исследования могут быть использованы при разработке учебных курсов по истории России XX века, истории отечественного государства и права, а также по региональной истории Пензенского края. Анализ статистических данных, полученных из архивных документов, может быть использован в дальнейших исследованиях по социальной истории НЭПа. Сопоставление нормативно-правовой базы даёт возможность сделать выводы об эволюции механизмов лишения избирательных прав в 1920-е годы.

Обсуждение и результаты

Историография изучения положения «лишенцев» в 1920-е годы

В историографии советского периода при освещении рассматриваемого вопроса применялся классовый подход с использованием идеологической аргументации в качестве обоснования репрессивных действий советской власти по отношению к «лишенцам».

Показательным примером такого рода исследований является работа Л. Ф. Морозова (1960). Автор оценивает действия советской власти в 1926-1929 годах как важнейший этап в противостоянии с нэпманами. Предпосылкой для ужесточения политической борьбы в 1926 году Л. Ф. Морозов (1960) называет обострение социально-политических противоречий, вызванное существенными успехами социалистического способа производства в сравнении с рыночным в середине 1920-х годов.

Современный этап проблемы «лишенцев» в отечественной историографии характеризуется однозначной оценкой действий советской власти в 1925-1928 годах как акта политической борьбы и пролога к репрессиям 1930-х годов.

В. П. Попов (1992) в работе, посвящённой политическим репрессиям советской власти 1920-1940-х годов, обращает внимание на то, что институт лишения избирательных прав был направлен прежде всего на недопущение влияния части населения на политические процессы.

Н. А. Фёдорова (2007) отмечает, что большевики видели в лишении избирательных прав реализацию принципа социальной справедливости, когда возвышение одних социальных групп достигается посредством маргинализации других. Автор также отмечает расширение перечня оснований для включения в списки «лишенцев» после 1926 года (Фёдорова, 2007).

Д. В. Валуев (2003) указывает, что с середины 1920-х годов стал значительно шире перечень лиц, подлежащих включению в списки «лишенцев». При этом критерием для присвоения статуса «лишенца» чаще всего являлись не объективные признаки, а желание продемонстрировать максимальные показатели борьбы с «классовыми врагами» (Валуев, 2003).

Е. Ф. Кринко (2011) в своём исследовании обращает внимание, что избирательные комиссии на местах нередко допускали искажённую интерпретацию нормативно-правовых актов, формируя списки «лишенцев» исходя из личных убеждений и неприязни. Автор отмечает, что, согласно Уголовному кодексу РСФСР 1926 года, лишение избирательных прав назначалось в качестве наказания осуждённым лицам в рамках поражения в правах. Исследователь приводит статистику о росте численности «лишенцев» в период с 1924 по 1929 год в три раза (Кринко, 2011).

Таким образом, историография рассматриваемого вопроса отражает радикальный характер борьбы с «лишенцами» в 1925-1928 годах.

Анализ Инструкций ВЦИК 1925 и 1926 годов по лишению избирательных прав

Для получения релевантных данных об изменении подхода советской власти к вопросу лишения избирательных прав целесообразно провести сравнительный анализ инструкций о выборах 1925 и 1926 годов (декрет ВЦИК от 13.10.1925; декрет ВЦИК от 04.11.1926).

Лица, лишённые избирательных прав

1925 год: 1) по приговору суда; 2) применяющие наёмный труд и живущие на нетрудовые доходы; 3) торговцы; 4) душевнобольные; 5) служащие и агенты полиции, чиновники.

1926 год: 1) земледельцы, применяющие наёмный труд и владеющие предприятиями; 2) земледельцы, занимающиеся перепродажей с/х продуктов; 3) лица, ставящие в зависимость окружающее население; 4) ремесленники, прибегающие к найму постоянной рабочей силы; 5) владельцы предприятий; 6) частные торговцы; 7) частные торговые посредники; 8) бывшие офицеры; 9) служащие и агенты бывшей полиции, чиновники; 10) служители религиозных культов; 11) административно-высланные; 12) душевнобольные; 13) зависимые члены семей «лишенцев».

Следует отметить, что Инструкция о выборах 1925 года содержит широкий круг лиц, пользующихся избирательными правами, несмотря на наличие формальных признаков для лишения избирательных прав:

- крестьяне и кустари получили право голоса при ограниченном использовании наёмного труда (не более одного взрослого или двух учеников);
- мелкие торговцы (патент I разряда) также были допущены к выборам;
- вспомогательный персонал церквей не лишился избирательных прав.

В данной инструкции была введена категория членов семей «лишенцев», что делало лишение прав наследственным. Это стало одним из самых жёстких нововведений.

В 1926 году была принята новая инструкция, которая ознаменовала поворот к ужесточению политики:

- все частные торговцы (независимо от разряда патента), священнослужители и вспомогательный персонал церквей лишались прав вне зависимости от вознаграждения;
- были ужесточены условия восстановления в правах для бывших эксплуататоров (требовался пятилетний трудовой стаж);
- в число «лишенцев» были включены бывшие белые офицеры, независимо от рода занятий.

Таким образом, из приведённых данных очевидно прослеживается рост числа оснований для включения в списки «лишенцев» в 1926 году. Также об усилении политического давления на «лишенцев» свидетельствует ужесточение мер по принудительному выселению бывших помещиков (О лишении бывших помещиков..., 2026). Бывшие помещики выселялись с ранее принадлежавших им территорий с изъятием имущества. Активная часть компаний по выселению пришлась на 1926-1927 годы.

Обобщая анализ законодательных изменений, следует констатировать, что Инструкция 1926 года (декрет ВЦИК от 04.11.1926) стала идеологическим и организационным фундаментом для последующих репрессий. В отличие от «компромиссного» законодательства 1925 г. (декрет ВЦИК от 13.10.1925), пытавшегося интегрировать частные элементы в правовое поле НЭПа, нормы 1926 г. (декрет ВЦИК от 04.11.1926 (в частности, параграф 11 в отношении «бывших людей»)) окончательно закрепили статус «лишенца» как врага советского строя.

Анализ тенденций политики советского государства в отношении «лишенцев» на основе архивных данных

Пензенскую Губернию не обошла общая тенденция к ухудшению положения «лишенцев» в период 1925-1928 гг. Отследить вектор политики советской власти в этом вопросе позволяют статистические данные из архивных материалов.

Согласно сводке Пензенского губисполкома о ходе избирательной кампании от 24 декабря 1925 года, в вопросе лишения избирательных прав сельскими комиссиями допускались «неправильности», которые исправлялись волостными избирательными комиссиями. Так, в качестве ошибок на местах приводятся случаи, когда избирательных прав не лишались торговцы по патенту и члены их семей. Кроме того, к проблемным вопросам относится учёт в списках «лишенцев» лиц, осуждённых по приговору суда (ГАПО, ф. Р-2, оп. 2, д. 215, л. 11).

Из отчётного материала по выборам в советы следует, что в 1925 году в сельских местностях по сравнению с 1923 годом число лиц, лишённых избирательных прав, увеличилось на 5000 человек. В процентном соотношении в 1925 году лица, лишённые избирательных прав, разделяются следующим образом: торговцы и посредники – 24%, духовенство – 13,6%, агенты бывшей полиции – 11%, политически неблагонадёжные – 9,8%, осуждённые судом – 8,5% и прочие (ГАПО, ф. Р-2, оп. 1, д. 25, л. 6).

Прирост числа «лишенцев» и их распределение по категориям демонстрируют курс на социальную фильтрацию электората. Советская власть целенаправленно ограничивала участие в выборах для групп, которые воспринимались как политически чуждые. Это не только меняло состав избираемых органов власти, но и выполняло функцию социального давления.

Наблюдаемая в 1923-1925 гг. тенденция к росту числа лиц, лишённых избирательных прав, вписывается в более широкий контекст общественно-политических процессов середины 1920-х годов. На фоне завершения восстановительного периода после Гражданской войны и перехода к новым экономическим и политическим задачам государство усиливало механизмы социального контроля. Расширение практики лишения избирательных прав можно рассматривать как инструмент централизации власти. Такая политика вела к постепенной трансформации природы местных органов власти – от представительных институтов к структурам, формируемым по принципу политической лояльности, что стало особенно заметно во второй половине 1920-х.

Из общих сводок по выборам в РСФСР 1926 года следует, что в ряде селений кулацкие и антисоветские элементы пытались попасть в избирательные списки советов путём подкупа и спаивания (например, в соседней Рязанской губернии). Зажиточные крестьяне предпринимали попытки сорвать выборы и заменить коммунистов в советах. Кулаки выдвигали свою программу: устанавливать государственные цены на сельскохозяйственные продукты, учитывать стоимость крестьянского труда, учитывать пропорциональное соотношение крестьянских делегатов в центральных органах власти (ГАПО, ф. Р-2, оп. 4, д. 214, л. 13, 14).

В 1927-1928 годах административный отдел Пензенского губисполкома вел списки бывших служащих полиции, жандармерии, служителей религиозного культа, бывших белых офицеров, включающие 404 лица, в том числе: 77 священнослужителей и 106 членов их семей, находящихся на иждивении, 51 служащий и агент бывшей полиции, жандармерии и тюремного ведомства, 39 бывших белых офицеров, 85 административно-высланных, 46 перебежчиков (ГАПО, ф. Р-342, оп. 1, д. 237, л. 38-43, 145-157).

Данные за 1927-1928 гг. подтверждают, что в середине 1920-х годов государство не сворачивало, а, напротив, последовательно продолжало практику ограничения прав социально «неблагонадёжных» категорий граждан. Сопоставление с данными 1925 года (рост числа лишённых избирательных прав в сельской местности) и сведениями 1927-1928 гг. позволяет говорить о нарастании административного давления на «проблемные» социальные группы. Такая политика способствовала формированию электората и местных органов власти на основе принципа политической лояльности, а не широкого представительства.

Заключение

В результате анализа архивных данных можно сформулировать ряд выводов по теме исследования.

Во-первых, анализ историографии по проблеме «лишенцев» демонстрирует существенную эволюцию оценок действий советской власти в 1920-е годы. Если в советский период (например, в работе Л. Ф. Морозова (1960)) репрессивные меры обосновывались классовым подходом и представлялись как закономерный этап борьбы с нэпманами и рыночными элементами, то современные исследователи (Попов, 1992; Фёдорова, 2007; Валуев, 2003; Кринко, 2011) дают им однозначную критическую оценку как инструменту политической

борьбы и прологу к репрессиям 1930-х годов. По мнению исследователей, институт лишения избирательных прав выполнял функцию социального фильтра, позволяя власти ограничивать политическое влияние «неблагонадёжных» групп и формировать лояльный электорат, что закладывало основы для дальнейшей эскалации репрессивной политики.

Во-вторых, из сравнительного анализа Инструкций ВЦИК 1925 и 1926 годов (декрет ВЦИК от 13.10.1925; декрет ВЦИК от 04.11.1926) следует расширение перечня категорий в 1926 году, которое свидетельствует о целенаправленном усилении политики ограничения избирательных прав. Государство стремилось максимально точно идентифицировать и исключить из политического процесса «нежелательные» социальные группы.

Включение в списки «лишенцев» в 1926 году бывших офицеров, служителей культа и административно-высланных показывает, что помимо экономических признаков (наёмный труд, торговля) всё большее значение приобретают политические и идеологические мотивы. Вектор на конкретизацию перечня «лишенцев» указывает на устойчивую тенденцию, в рамках которой лишение избирательных прав перестаёт быть эпизодической мерой и превращается в жесткий механизм социального регулирования. Таким образом, закладывались основы для последующих репрессивных кампаний.

В-третьих, в середине 1920-х годов численность «лишенцев» в сельской местности Пензенской губернии заметно возросла по отношению к предыдущему периоду (увеличение составило порядка пяти тысяч человек). Это указывает на ужесточение политики административного давления и рост числа оснований для лишения избирательных прав. Категория «лишенцев» стала включать не только традиционные слои (торговцы, священники, бывшие полицейские), но и новые категории, например осуждённые приговором и лица, отнесённые к политически неблагонадёжным элементам.

Избиркомы на местах часто совершали ошибки и злоупотребляли своими полномочиями. Подобные ошибки свидетельствовали о слабой квалификации работников низового аппарата советской власти, недостаточной понятности критериев лишения избирательных прав.

Отчётность по выборам показывает, что зажиточная часть крестьянства (кулаки) пыталась активно обходить нормативное регулирование, применяя различные приёмы давления и манипуляции (подкуп, спаивание избирателей). Политическая активность кулаков проявлялась в попытках выдвижения собственных альтернативных кандидатов, продвижении собственной программы требований (установление государственных цен на сельскохозяйственную продукцию, учёт стоимости крестьянского труда, увеличение представительства крестьян в центральной власти). Данные тенденции отражают растущую напряжённость и конфликтность взаимоотношений между властью и частью местного населения.

Создание и ведение систематизированных списков «лишенцев» органами власти Пензенской губернии (в частности, административным отделом губисполкома) показывает стремление власти усилить централизованный контроль над потенциально опасными и враждебными элементами среди населения. Составленные списки «лишенцев» охватывали широкий спектр лиц, подвергшихся различным формам административной дискриминации (бывшие служащие царской полиции и жандармерии, белогвардейцы, священнослужители, административно-высланные и перебежчики). Такой подход позволил советской власти эффективно отслеживать и контролировать нежелательные элементы, предотвращая их участие в общественно-политической жизни.

Появление новых оснований для дискриминации, активное противостояние зажиточных слоёв населения советской власти, многочисленные ошибки и злоупотребления на местах неизбежно вели к усилению социальной напряжённости, росту недовольства и формированию глубоких социальных противоречий. Данная ситуация создавала предпосылки для дальнейшего обострения конфликта между различными социальными группами и усиливала риски дестабилизации обстановки в регионе.

Из изложенного следует, что основными причинами ужесточения государственной политики в отношении «лишенцев» стала необходимость подавления политических оппонентов на фоне восстановления экономики после потрясений, вызванных революцией и Гражданской войной. Советская власть в начале 1920-х годов использовала экономический потенциал «лишенцев» для восстановления и стабилизации экономики. К середине 1920-х годов экономика была восстановлена, что сделало «лишенцев» не только бесполезной, но и опасной для советской власти группой лиц.

Наиболее перспективными объектами для дальнейшего исследования проблемы являются личные дела «лишенцев». Документы по делам о лишении избирательных прав позволят дополнить выводы, изложенные в настоящей статье, живыми примерами и «кейсами» повседневного выживания «лишенцев».

Материалы исследования | Research materials

1. ГАПО – Государственный архив Пензенской области. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 25.
2. ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 215.
3. ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 4. Д. 214.
4. ГАПО. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 237.
5. О лишении бывших помещиков права на землепользование и проживание в принадлежавших им до октябрьской революции хозяйствах: Постановление Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 20 марта 1925 г. // Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1926. 28 марта. № 71.
6. О порядке восстановления в правах гражданства лиц, служивших в прежней полиции: Постановление Президиума ВЦИК от 29 августа 1921 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1921. № 62. Ст. 440.

7. Об утверждении Инструкции о выборах городских и сельских советов и о созыве съездов советов: декрет ВЦИК от 13.10.1925 // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР за 1925 г. № 45-94. Отдел первый.
8. Об утверждении Инструкции о выборах городских и сельских советов и о созыве съездов советов: декрет ВЦИК от 04.11.1926 // Институт выборов в Советском государстве 1918-1937 гг. в документах, материалах и восприятии современников. М.: РОИИП, 2010.

Источники | References

1. Бородкин Л. И. Социальная мобильность в частном секторе народного хозяйства 1920-х гг.: нэпманы под налоговым прессом // «Бублики для республики»: исторический профиль нэпманов: монография. Уфа: Башкирский государственный университет, 2005.
2. Валуев Д. В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918-1936 гг.): на материалах Западного региона РСФСР: автореф. дисс. ... к. ист. н. Брянск, 2003.
3. Виноградов С. В. НЭП: опыт создания многоукладной экономики: монография. Изд-е 2-е, расшир. и доп. Астрахань: ИП Сорокин Р.В., 2015.
4. Кринко Е. Ф. Репрессии «по закону»: лишение избирательных прав советских граждан // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. 2011. Вып. 3 (7).
5. Морозов Л. Ф. Решающий этап борьбы с нэпманской буржуазией // Из истории ликвидации капиталистических элементов города. 1926-1929 гг. М.: Изд-во Высшей партийной школы и Академии общественных наук, 1960.
6. Морозов С. А., Морозова Е. В. Социальная турбулентность в контексте нэпа // Нэп и становление гражданского общества в России: 1920-е годы и современность: сборник материалов Всероссийской научной конференции (г. Славянск-на-Кубани, 17-20 октября 2001 г.). Краснодар: Кубанский государственный университет, 2001.
7. Муравьева Л. А. Новая экономическая политика // Финансы и кредит. 2002. № 10.
8. Попов В. П. Государственный террор в Советской России в 1920-40 гг. // Отечественные архивы. 1992. № 2.
9. Фёдорова Н. А. Лишенцы 20-х годов: советское сословие отверженных // Журнал исследований социальной политики. 2007. Т. 5. № 4.

Благодарность | Acknowledgements

RU Статья подготовлена под научным руководством доктора исторических наук, профессора О. А. Суховой.

EN The article was prepared under the scientific supervision of Doctor of Historical Sciences, Professor O. A. Sukhova.

Информация об авторах | Author information

RU **Жгут Сергей Александрович¹**
¹ Пензенский государственный университет

EN **Sergey Aleksandrovich Zhgut¹**
¹ Penza State University

¹ s.zhgut@list.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 20.04.2026; опубликовано online (published online): 24.06.2026.

Ключевые слова (keywords): новая экономическая политика; ужесточение политики; нормативная база; феномен «лишенчества»; New Economic Policy; policy tightening; normative framework; disenfranchisement (“lishenchestvo”).